

Фан Чжи наконец-то улыбнулся, но тут же нахмурился от боли в уголке рта. Он сжал губы и хотел что-то сказать, но боль заставила его поморщиться, и он с обидой посмотрел на Сун Чэнцина.

Сун Чэнцин подошёл ближе и осторожно лизнул рану, глядя на него:

— Выпьешь немного тёплой воды? Я велел принести лекарство, сейчас намажем...

Фан Чжи покорно кивнул, и его осторожно подняли. Край одеяла соскользнул с плеча, обнажив грудь, покрытую синяками и покраснениями. И это было только то, что видно. А что творилось под одеялом — на бёдрах и там, где он использовался слишком часто, — было страшно представить. Сун Чэнцин, взглянув на это, почувствовал сильное раскаяние. Он поспешно схватил смятую рубашку и осторожно надел её на Фан Чжи, чтобы тот не простудился.

Затем он поцеловал его в щёку и поднёс стакан с тёплой водой. Но стакан был широким, а Фан Чжи не мог широко открыть рот из-за боли, поэтому половина воды пролилась на грудь, а выпил он совсем немного. Сун Чэнцин, увидев его страдания, нахмурился, сделал глоток воды и поцеловал Фан Чжи.

Медленно передавая воду изо рта в рот, он почувствовал, как тёплая жидкость скользит по горлу, раздражая только что пострадавшие ткани. Фан Чжи слегка застонал, и Сун Чэнцин, обняв его, погладил по спине. Фан Чжи постепенно уснул, но даже в объятиях, которые обычно приносили ему утешение, он спал беспокойно, вероятно, из-за дискомфорта в теле. Он крепко держался за воротник Сун Чэнцина и что-то бормотал во сне.

Сун Чэнцин, опираясь на руку, смотрел на него с улыбкой, время от времени целуя его переутомлённые губы. На вкус они были прохладными из-за лекарства, которое он только что нанёс на рану.

Он только что уснул, когда слуги тихо принесли горячую воду. Сун Чэнцин хотел дать ему поспать подольше, но боялся, что, если не помыть его сейчас, позже будет ещё хуже. Поэтому он осторожно поднял Фан Чжи, который, будучи уставшим и сонным, слегка застонал, недовольно выражая свой протест.

Сун Чэнцин, неся его за ширму, мягко уговаривал:

— Сяо Чжи, будь послушным, давай помоем чистым и тогда будем спать, хорошо?

Даже когда его опустили в тёплую воду, Фан Чжи всё ещё не хотел просыпаться. Он обнял Сун Чэнцина за шею, продолжая капризничать, губы слегка надулись, брови нахмурились, глаза были полужакрыты, и он покорно позволил Сун Чэнцину делать с ним всё, что тот хотел.

Сун Чэнцин, обнимая его, осторожно опустил в воду, одной рукой поглаживая спину, а другой начал исследовать его вход, постепенно вводя палец.

Фан Чжи от боли сжался, мягкие ткани внутри также сжались, словно маленький рот, который дышит. Он застонал:

— Ммм... Больно...

Рот всё ещё не мог широко открыться, и речь была невнятной.

Сун Чэнцин поцеловал его в щёку и уговаривал:

— Я буду осторожен, нужно промыть, малыш, потерпи немного, хорошо?

Фан Чжи крепче обнял его, тихо хныча, и уткнулся лицом в плечо Сун Чэнцина.

То место, которое использовалось слишком часто, теперь было крайне чувствительным, и каждое прикосновение вызывало острую боль. Возможно, он даже не сможет ходить. Пухлые половые губы опухли и вывернулись наружу, обнажая нежный клитор, который, вероятно, был слишком стимулирован и теперь реагировал на тёплую воду резкой болью и зудом. Слёзы Фан Чжи текли ручьём, капая на плечо Сун Чэнцина и скатываясь по его мускулистому торсу в воду.

Вход и внутренний проход опухли, оставляя лишь небольшое отверстие. Палец едва смог войти, и это вызвало сильную боль. Сун Чэнцин, целуя и утешая его, нанёс мазь и осторожно обработал всё внутри, прежде чем вытащить палец.

Фан Чжи, разбуженный болью, обнял его и плакал, раненый уголок рта опустился, и он смотрел на Сун Чэнцина с бесконечной обидой. Сун Чэнцин не мог вынести этого вида, не зная, как утешить его. Он обнял его, говорил ласковые слова, осторожно помыл, переделал сухую одежду и уложил обратно в кровать, утешая и уговаривая, пока Фан Чжи снова не уснул.

Фан Чжи проснулся и заметил, что его партнёр ещё не ушёл, кажется, только что уснул. Его руки всё ещё неосознанно массируют поясницу Фан Чжи. Подняв глаза, он увидел, что Сун Чэнцин даже во сне хмурится, словно ему что-то снится плохое.

Фан Чжи осторожно провёл рукой по его нахмуренному лбу, чувствуя сладость в сердце. Тело стало более сухим и комфортным, и боль уже не была такой сильной. Он приподнялся, откинул занавеску кровати и попытался позвать слуг, но голос всё ещё был хриплым, и он только издал несколько невнятных звуков. Ся Лянь, как и ожидалось, ждала в соседней комнате. Услышав шум, она подошла к ширме и спросила, что нужно хозяину. Фан Чжи, лёжа рядом с Сун Чэнцином, что-то прошептал, судя по губам, попросил принести еду.

Отправив слуг, он снова лёг в объятия Сун Чэнцина, который неосознанно крепче обнял его. Уже была глубокая ночь, и с тех пор, как Сун Чэнцин вернулся, он лишь однажды заглянул домой, а всё остальное время проводил в Башне Фэнчжи. Фан Чжи был счастлив, но также немного беспокоился. Он поднял руку и погладил спящее лицо Сун Чэнцина, тихо вздохнув.

Он рано уснул вечером, и теперь уже не мог снова заснуть. Тело всё ещё болело, и он хотел немного подвигаться, но, видя, как устал Сун Чэнцин, решил не беспокоить его.

Внизу всё ещё слышались смех и шутки девушек и молодых людей. Башня Фэнчжи была в самом разгаре веселья, и в ближайшее время шум не утихнет. За окном на Великом канале одиноко покачивались несколько лодок, привязанных к пристани. Ветер раскачивал их, и они плавно скользили по воде.

Занавеска кровати была слегка приподнята, полуопущенная, свисая с изголовья. Фан Чжи смотрел на простую ткань и вдруг вспомнил тот год, когда шёл сильный снег. Сун Чэнцин с компанией отправился на охоту. В зимнем лесу нечего было ловить, это было просто развлечение для богатых бездельников, которым нечем было заняться зимой.

Но Сун Чэнцин действительно что-то поймал. В тот вечер шёл густой снег, и он, сопровождаемый несколькими слугами, полный энергии, приехал в Башню Фэнчжи, лишь слегка укутавшись в тёплый плащ с меховым воротником. Он выпрыгнул из кареты, не дожидаясь, пока слуги подставят зонт, и побежал в здание, поднялся на третий этаж и

ворвался в комнату Фан Чжи.

Фан Чжи, сидя на кровати, смотрел на снег и был удивлён его появлению. Подойдя ближе, он увидел, что Сун Чэнцин держит что-то в руках. Плечи его были покрыты снегом, который уже начал таять, проникая внутрь. Фан Чжи, беспокоясь о его здоровье, помог ему снять верхнюю одежду и велел слугам принести горячую воду. Только тогда он увидел, что Сун Чэнцин держит в руках.

Замёрзшего воробья, чьи чёрные глаза всё ещё блестели, а маленькое тельце было холодным. Сун Чэнцин встретил эту птицу на горе за городом и принёс её прямо к нему. Это был не самый ценный подарок, особенно по сравнению с тем, что он обычно дарил, но именно его желание угодить Фан Чжи и тот гордый взгляд запомнились ему до сих пор.

Мысли его унеслись далеко, и он снова уснул в тёплых объятиях. Когда он проснулся, прошло ещё несколько часов. Перед ним Сун Чэнцин начал шевелиться, похоже, просыпаясь. Фан Чжи смотрел на него с интересом.

Сун Чэнцин открыл глаза и увидел улыбающееся лицо Фан Чжи. Он смутился, сонно пробормотал что-то и потянулся к его пояснице. Только тогда он понял, что спрашивает:

— Тебе всё ещё плохо?

Моё любимое занятие — утешать, баловать и нежить, каждый день хочу просто утонуть в нежности.

P.S.: В прошлой главе я заставил нашего Сяо Чжи страдать, потому что тупой автор вчера выставил кондиционер на полную мощность, и теперь у него пересохло и болит горло, говорить не может, даже пить противно. В порыве злости я заставил и Фан Чжи страдать больным горлом. QAQ Прости, я был неправ (в следующий раз осмелюсь снова).

<http://bllate.org/book/16757/1540563>